

**Тексты олимпиадных заданий регионального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе
(2014–2015 уч. год)
11 класс**

Первый тур

Проза	Поэзия
М.Осоргин Часы	В.Ходасевич Дактили

Задание: Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) текста

Михаил Осоргин

Часы

О.Х. Лопатиной

Бабушка Татьяна Егоровна с утра в большом волнении. Накануне положила кружева в мыльную воду, продержала всю ночь; вставши, как обычно, в семь, прополоскала в чистой воде, успела и просушить и разгладить. И хотя раньше, чем в два пополудни, не ждять радостного визита, а уже к полудню был накрыт стол не новой, но ещё прекрасной скатертью, поставлены две чашки, обе завода Попова, и старинный серебряный чайник, на крышке которого немного покривился от времени малый розан с веточкой о трёх лепестках. Ещё была к прибору гостя – фамильная чайная ложка с полусъеденной позолотой.

На свете, на всём белом свете – а уж на что он велик! – не было комнаты чище бабушкиной. Всё, что от природы было блестящим, – блестело; всё, что было старо и поизносилось от времени, – сияло старостью, прилежной штопкой и великой чистотой. И если бы чей зоркий и недобрый глаз отыскал в комнате бабушки одну-единственную соринку, то и эта соринка оказалась бы невинной, ровненькой и чистой.

Кроме поповских чашек с золотой каймой и фигурными ручками, кроме чайника и ложки, оставшихся от семейного сервиза, были в комнате бабушки Татьяны Егоровны ещё два предмета на удивленье: рабочий столик и каминные часы.

Рабочий столик, пузатый, с перламутром на крышке и бронзой по скату ножек, стоял не ради красоты. Он был всегда в действии и многих чудес был свидетелем и

участником. Трудно сказать, чего не могла скроить, сшить, починить и подштопать бабушкина белая и худенькая рука. И были в столике иголки всякого размера и нитки любого цвета, от грубой шерстяной до тончайшей шёлковой. Было в столике столько цветных лоскутков, сколько существует видимых глазу оттенков в радуге, и пуговицы были от самых больших до самых маленьких. Ещё было в столике особое отделение для писем, полученных за последний год; тридцать первого декабря эти письма перевязывались тонкой тесьмой и прятались в комод. По правде сказать, писем было немного, с каждым годом меньше. Самое свежее письмо с заграничной маркой получено было на днях – от внука, которого бабушка не видала двадцать два года, а в последний раз видала трёхлетним. Увидать же снова должна была именно сегодня в два часа дня. Поэтому и надела бабушка с утра новый и свежий кружевной чепчик.

И ещё, как сказано, были у Татьяны Егоровны старинные и драгоценные каминные часы малого размера, великой красоты, с боем трёх колокольчиков, с недельным заводом (утром в воскресенье). Колокольчики отбивали час, полчаса и каждую четверть, все по-разному. Звук колокольчика был чист, нежен и словно бы доносился издалека. Как это было устроено – знал только мастер, которого, конечно, давно не было на свете, потому что часам было больше ста лет. И все сто лет часы шли непрерывно, не отставая, не забегая, не уставая отбивать час, половину и четверти.

Двадцать лет назад с часами случилось вот что: стали они отбивать ровно на три часа меньше, чем полагается. Вместо пяти – два, вместо двух – одиннадцать, вместо одиннадцати – восемь и так далее. Однако половины и четверти по-прежнему правильно. Так, бьют они три с четвертью – значит, четверть седьмого, нужно только прибавить три.

И вот тогда, двадцать лет назад, часы были отданы в починку – единственный в их жизни раз. Из починки часы вернулись с правильным боем: бьют полдень – значит, полдень и есть. Неделю шли и били правильно, а через неделю вдруг сразу сбились и в пять часов пробили только раза два. Так пошло и дальше, и больше бабушка их в починку не отдавала.

И действительно, какой смысл в этой починке? Во-первых, часовщик может их испортить; часы старые, кто делал их – неизвестно. А потом – прошло двадцать лет, и бабушка к ним привыкла: бьют пять – значит, восемь, а восемь – значит, одиннадцать. Никакого труда нет накинуть три, тем более что стрелки показывают правильно, для всякого понятно.

Когда часы прозвонили одиннадцать с четвертью, раздался звонок и в передней. И оказалось, что трёхлетний Ванечка вытянулся в большого, здорового, приветливого и весёлого мужчину и к тому же стал инженером. Когда вошёл этот молоденький инженер, внук Татьяны Егоровны, то рабочий столик стал совсем маленьким и от обиды раздул бока, да и самой бабушке пришлось смотреть на внука снизу вверх. Оказался кстати

чистый белый платочек, которым бабушка вытерла слезу, – в старости слёзы льются и от радости и от горя совсем одинаково.

Чай пили из серебряного чайника с покосившимся розанчиком, а Ванечка помешивал в поповской чашке старинной ложкой с позолотой. Рабочий столик, сначала возревновав, после стоял смиреннько. Кружева на бабушкином чепчике сияли чистотой, а сама бабушка улыбалась, слушая рассказы молодого инженера.

Среди многих чудес молодой жизни рассказывал он, как летел на самолёте из Лондона в Париж и какие высоченные дома строят сейчас в Америке. И вообще рассказывал про многое, о чём бабушка и читала и слышала, но ещё не встречала человека, который видел бы это сам; и к тому же таким человеком оказался собственный её внук Ванечка. А пройдёт неделя – и опять поедет он по разным странам, будет летать по воздуху, прокапывать горы и строить мосты над водопадами. И не страшно за него, потому что он здоров, весел, ест пятую булочку с маслом и пьёт большую поповскую чашку в два глотка.

– И всё же, Ванечка, береги себя, будь осторожен. Если уж нужно тебе летать на машинах, ты высоко не летай, – не ровен час что-нибудь в машине испортится. Храни тебя Бог от какого несчастья.

Рассказала ему Татьяна Егоровна про то, как он был совсем маленьким и строил из спичечных коробок железную дорогу: видно, так сама судьба сулила. И фотографию его разыскала: сидит этакий бутуз верхом на игрушечной лошади и прямо смотрит большими глазами. И про отца его рассказала, царство ему небесное.

Уже не раз звонили бабушкины часы половину и четверти, но за первым разговором бой их как-то терялся. И вдруг ясно и отчётливо прозвонили они один час. Инженер повернулся к камину и спросил с удивлением:

– Это почему же, бабушка, они так мало бьют?

Бабушка объяснила, что бьют они не совсем правильно, а показывают верно, и что часам этим больше ста лет.

– Надо их починить, бабушка. Ведь это очень просто.

– Что же их чинить, я к ним привыкла, и так знаю.

И опять заговорил о разном, и пока не прозвонили снова далёкие колокольчики, что прошло ещё полчаса человеческой жизни. И опять молодой инженер повернулся к часам:

– Какой у них бой чудесный! Кажется, будто не здесь, а далеко. Вот в горах так бывает, когда часы бьют в какой-нибудь далёкой деревушке. Жаль только, что они испорчены.

Тут бабушка промолчала, хотя и было ей приятно, что ему нравятся её старинные часы.

Когда инженер заторопился уходить, – опаздывал на важное свидание, – бабушка завернула в белую бумагу, хорошо вымывши, чайную ложку и сунула ему в руку.

– Это что, бабушка?

– А это – положи в карман. Это, милый, память. Этой ложкой твой отец маленьким молочко пил. Ты её побереги, места займёт немного, а иногда посмотришь.

– Бабушка, да зачем же! Ну, спасибо!

И опять пригодился бабушке платочек. На прощанье поцеловала внука и покрестила:

– Может, ты и не веруешь, а уж прости меня, старуху.

И когда он уходил, вдруг опять зазвонили часы, и он, остановившись на пороге, спросил:

– Бабушка, есть у вас бумага или старая газета?

– Есть бумага, Ванечка.

– Дайте мне, бабушка. Мне хочется сделать вам приятное. Вот хорошо, эта подойдёт.

Потом быстро подошёл к камину, осторожно взял часы и завернул в бумагу:

– Бабушка, вы не беспокойтесь. Я отдам их починить хорошему часовщику, а через два дня вам принесу. Будут бить, сколько нужно, совсем правильно.

– Ванечка, да мне не нужно!

Но он и слышать не хотел. Подошёл, поцеловал бабушку в обе щёки и убежал со свёртком шумно и весело, как все молодые.

* * *

Бабушка Татьяна Егоровна две ночи спала не особенно хорошо. И не о чем было беспокоиться, и всё же было как-то беспокойно. Очень было молчаливо. Привыкла, что бьют в старушечьей ночи далёкие звонкие колокольчики, – а вот их нет. Были разные думы, во вторую ночь ей даже приснилось, что большой и толстый часовщик ударил по её часам тяжёлым молотом и – дзынь! – часы рассыпались. Старалась утешить себя:

– Ну, что ж, пускай! Ванечке это приятно.

А на третий день Ванечка забежал на минуту (очень торопился) и занёс часы:

– Ну, бабушка, теперь всё хорошо. Сейчас я не могу, а перед отъездом забегу к вам посидеть подольше.

Прошумел и исчез.

Стоят часы на прежнем месте, точно и не уходили. Стрелки идут, подходят к одиннадцати с половиной. Бабушка бродит по комнате, ищет последнюю соринку, чтобы смести её тряпочкой. Соринки нет, а глаза бабушки косятся на минутную стрелку, а ухо ждёт.

И вдруг зазвенел колокольчик и часы забили. И как дошли они до восьми ударов и стали бить дальше, все одиннадцать, бабушка грустно улыбнулась и отвернулась. И рабочий её столик тоже осунулся и стоял теперь понуро.

Так пошла жизнь дальше, и часы били теперь правильно. Бьют пять – значит, пять. А в два часа бьют ровно два. Конечно, удобно.

«Главное – Ванечке приятно, – думала бабушка. – Вот уедет в свои путешествия, может быть, опять полетит в какую страну».

Но, конечно, путала иногда, особенно под утро, когда сон чуток. Бьют часы пять, – ой, проспала! – а оказывается, и действительно всего-навсего пять часов.

Старый человек иногда грустит, а отчего – и сам не знает. О чём-нибудь думается. Вот раньше, например, по воздуху не летали, а всё-таки жили, и не хуже жили.

За рабочим своим столиком сидит бабушка Татьяна Егоровна, в доме тихо, и слышно, как тикают на камине часы. А когда приходит им время звенеть далёкими колокольчиками, бабушка вздыхает и как-то неохотно слушает – всё же слушает. Слов нет – бьют часы верно и ни в чём не стали хуже. Однако радости в их бое нет – да и чему старухе радоваться.

Когда пришло воскресенье, бабушка завела часы ключиком. И часы прежние, и ключик прежний. Не их, конечно, вина, что два дня провели они у чужого человека, который что-то там винтил или пробовал. Никакой с их стороны не было измены.

В эту ночь бабушка проснулась, потому что в комнате легонько чикнуло. Проснулась – и долго не могла снова уснуть. Не то чтобы беспокойство, а как бы ожиданье: вот что-нибудь случится. Так и лежала, закрыв глаза и слушая ночную тишину. И часы пробили – всё продолжала лежать. И вдруг показалось бабушке, что часы пробить пробили, а не совсем так, как им теперь полагалось. И от этой мысли бабушка взволновалась – сон совсем ушёл. Зажгла свет, посмотрела, всё правильно, часы идут хорошо и тикают по-прежнему. Скоро свет – на стрелках начало шестого. А в памяти что-то осталось – и волнение.

Тогда бабушка Татьяна Егоровна, в кофте и ночном чепце, села на стул против часов и стала ждать.

Было самой немного стыдно: «И чего я, старуха, жду, чего хочу? Спать бы да спать!»

И решила: «Подожду до четверти да и лягу».

Действительно подождала. Когда же колокольчик в первый раз ударил, вся замерла в ожидании и стала губами считать:

– Раз, два...

А вместо третьего, четвёртого и пятого – изменился звук колокольчика и заиграли часы четверть.

Бабушка так и замерла. Когда умолкли часы – подумала: да уж не ошиблась ли? Да ведь как ошибёшься? Ведь если сказать по чистой совести – ведь этого и ждала она, сидя на стуле в ночной час. Сама себе не сказала – а ждала: пять ли пробьют или только два раза, как били они двадцать лет подряд. Как же можно ошибиться!

И тут сошло в душу бабушки как бы сияние: и странно это, и смешно, а уж так хорошо, точно провели по сердцу ласковой рукой.

Заторопилась, хитро заулыбалась, поскорее легла в постель, укрылась, – а сна нет, хочется ещё услышать, как будут часы бить половину.

Долго тянулось время, словно бы нарочно кто его затягивал. Тикали часы тихонько-тихонько и, как живые, нашёптывали: «Теперь уж будьте покойны, всё будет по-старому!» А как подошло время к половине шестого – звоном колокольчиков, ясным и уверенным, пробили бабушкины верные часы опять ровно два, другим колокольчиком отзвонив и половину.

И тут бабушка заснула, вся утонув в улыбке и спокойствии. Сон её был лёгок, а новый день её был светел и полон неутомительной суеты.

1934

Владислав Ходасевич

Дактили

1

Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго,
Бруни его обучал мягкою кистью водить.
Там, где фиванские сфинксы друг другу в глаза загляделись,
В летнем пальтишке зимой перебегал он Неву.
А на Литву возвратясь, весёлый и нищий художник,
Много он там расписал польских и русских церквей.

2

Был мой отец шестипалым. Такими рождаются счастливыцы.
Там, где груши стоят подле зелёной межи,
Там, где Вилия в Неман лазурные воды уносит,
В бедной, бедной семье встретил он счастье своё.
В детстве я видел в комодке фату и туфельки мамы.
Мама! Молитва, любовь, верность и смерть – это ты!

3

Был мой отец шестипалым. Бывало, в сороку-ворону
Станем играть вечерком, сев на любимый диван.
Вот, на отцовской руке старательно я загибаю
Пальцы один за другим – пять. А шестой – это я.
Шестеро было детей. И вправду: он тяжелой работой
Тех пятерых прокормил – только меня не успел.

4

Был мой отец шестипалым. Как маленький лишний мизинец
Прятать он ловко умел в левой зажатой руке,
Так и в душе навсегда затаил незаметно, подспудно
Память о прошлом своём, скорбь о святом ремесле.
Ставши купцом по нужде – никогда ни намёком, ни словом
Не поминал, не роптал. Только любил помолчать.

5

Был мой отец шестипалым. В сухой и красивой ладони
Сколько он красок и черт спрятал, зажал, затаил?
Мир созерцает художник – и судит, и дерзкою волей,
Демонской волей творца – свой созидает, иной.
Он же очи смежил, муштабель и кисти оставил,
Не созидал, не судил... Трудный и сладкий удел!

6

Был мой отец шестипалым. А сын? Ни смиренного сердца,
Ни многодетной семьи, ни шестипалой руки
Не унаследовал он. Как игрок на неверную карту,
Ставит на слово, на звук – душу свою и судьбу...
Ныне, в январскую ночь, во хмелю, шестипалым размером
И шестипалой строфой сын поминает отца.

Январь 1927 – 3 марта 1928, Париж